

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВВ.

УДК 821.161.1-1(Блок А.)+655.3.066.11. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-77-86.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,45+Ч617.3.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 5.9.3

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «СТИХОВ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ» АЛЕКСАНДРА БЛОКА (1911): РОЛЬ К.М. САДОВСКОЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ КНИГИ

Клинг О. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1543-5253>

SPIN-код: 3633-7882

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается второе издание «Стихов о Прекрасной Даме» Александра Блока в составе первого тома «Собрания стихотворений» поэта московского издательства «Мусагет» (1911). Перед читателями предстала совершенно иная, можно сказать, даже новая по своей поэтике книга. Ни один другой том в собрании стихотворений не подвергался такой решительной переработке, как первый. В первую очередь это касалось количества включенных в него стихотворений. Блок скрупулезно занимается подсчетом. Новым стало обозначение хронологических рамок лирических произведений, включенных в том (1898–1904). Еще одно отличие в композиции книги. Вместо трехчастной в первом издании, где каждая часть имела свое название, – семичастная. Такой подход отразил становление и эволюцию главного героя этого «романа в стихах». Может быть, среди многих других причин кардинальных изменений тома стало то, что в 1909–1910 годы Блок вспоминает свою первую любовь – К. М. Садовскую. Имя Садовской возникло не без связи с Л. Д. Менделеевой. Блок воссоздает истоки своего центрального символа – Прекрасной Дамы. Садовская была одним из первых «прототипов» Прекрасной Дамы. Это (помимо других причин) и привело Блока к осознанию необходимости расширить круг стихов, включенных в первый том «романа в стихах». Конечно, более мощным творческим импульсом для Блока стало знакомство летом 1898 года с Л. Д. Менделеевой. Именно с ней традиционно связано представление о прототипе знаменитой Прекрасной Дамы. Но впервые Блок «примерил» свой еще пунктиром обозначенный образ к Садовской. История с Садовской позволяет лучше понять сущность блоковского творчества, своеобразии структуры его символов, в данном случае одного из важнейших у поэта – Прекрасной Дамы, трансформация которого сказалась в переработке первого тома «Собрания стихов» 1911–1912 годов, а также в последующих изданиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. Блок; второе издание «Стихов о Прекрасной Даме» (1911); изменение структуры книги; изменение количества лирических произведений; прототипы символа Прекрасной Дамы; К. М. Садовская; Л. Д. Менделеева

Д л я ц и т и р о в а н и я: Клинг, О. А. Второе издание «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока (1911): роль К. М. Садовской в трансформации структуры книги / О. А. Клинг. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 77–86. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-77-86.

SECOND EDITION OF “VERSES ON A BEAUTIFUL LADY” BY ALEXANDER BLOK (1911): THE ROLE OF K. M. SADOVSKAYA IN THE TRANSFORMATION OF THE STRUCTURE OF THE BOOK

Oleg A. Kling

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1543-5253>

A b s t r a c t. The article deals with the second edition of Alexander Blok’s “Verses on a Beautiful Lady” as part of the first volume of the poet’s “Collected Poems” published by the Moscow publishing house “Musaget” (1911). But what appeared before the readers was a completely different book, we could say, the new book in its poetics. No other volume in the collected poems was subjected to such a decisive revision as the first. First of all, this concerned the number of poems included in it. Blok meticulously dealt with the counting. A new thing was the designation of the chronological framework of the lyrical works included in the volume (1898–1904). Another difference was in the composition of the book. Instead of a three-part structure in the first edition, where each part had its own name, this one had seven parts. This approach reflected the formation and evolution of the main character of this “novel in verse”. Perhaps, among many other reasons for the radical changes in the volume was the fact that in 1909–1910 Blok recalled his first love – K. M. Sadovskaya. The name Sadovskaya arose not without connection with L. D. Mendeleeva. Blok re-creates the origins of his central symbol – the Beautiful Lady. Sadovskaya was one of the first “prototypes” of the Beautiful Lady. This (among other reasons) led Blok to the realization of the need to expand the range of the poems included in the first volume of the “novel in verse.” Of course, a more powerful creative impulse for Blok was his acquaintance with L. D. Mendeleeva in the summer of 1898. It was her that the idea of the prototype of the famous Beautiful Lady was connected with. But for the first time, Blok “tried” his image, yet vaguely outlined, out on Sadovskaya. The story with Sadovskaya allows better understanding the essence of Blok’s work, the

unique structure of his symbols, in this case one of the most important for the poet – the Beautiful Lady. The transformation of this image was reflected in the revision of the first volume of the “Collected Poems” of 1911–1912, as well as in subsequent editions.

Keywords: A. Blok; second edition of “Verses on a Beautiful Lady” (1911); change in the structure of the book; change of the number of lyrical works; prototypes of the symbol of the Beautiful Lady; K. M. Sadovskaya; L. D. Mendeleeva

For citation: Kling, O. A. (2025). Second Edition of “Verses on a Beautiful Lady” by Alexander Blok (1911): The Role of K. M. Sadovskaya in the Transformation of the Structure of the Book. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 2, pp. 77–86. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-77-86.

В 1911 году вышло второе издание «Стихов о Прекрасной Даме» Александра Блока в составе первого тома «Собрания стихотворений» поэта московского издательства «Мусагет» (1911–1912). Вышло оно с уже знакомым читателям названием «Стихи о Прекрасной Даме». Но перед читателями предстала совершенно *иная*, можно сказать, даже новая по своей поэтике книга. В данном случае под поэтикой понимается не только содержательный, семантический аспект, но и архитектоника, структура книги как целого, которая включает в себя множество составных компонентов. Блок обратил также внимание читателей на то, что перед ними не просто второе издание «Стихов о Прекрасной Даме», а исправленное и дополненное. При этом второе издание сильно отличалось не только от предшествующего, но и от последующих, в том числе канонического. Например, Блок откажется от названия не только первого, но и двух других томов: на титулах книг останется только перечень циклов. В мусагетовском же собрании стихотворений 1911–1912 годов на обложку второго тома было вынесено название «Нечаянная Радость» (по второму сборнику), а на обложку третьего – «Снежная Ночь» (контаминация из заглавий третьего и четвертого сборников).

Но ни один другой том в собрании стихотворений не подвергался такой решительной переработке, как первый.

В первую очередь это касалось количества включенных в него стихотворений. Блок скрупулезно занимается подсчетом

Новым, чего не было в первом издании самой знаменитой книги Блока, стало обозначение хронологических рамок лирических произведений, включенных в том (1898–1904). Это останется во всех последующих изданиях первого тома, вплоть до канонического, но в более поздних изданиях трансформируется в хронологически-тематический подход. Впервые именно во втором издании «Стихов о Прекрасной Даме» Блок обратится в композиции книги (в расположении стихов) к хронологическому принципу. Это будет и новым и в то же время возвратом к прошлому замыслу, который Блок не осуществил. Готовя в 1904 году «Стихи о Прекрасной Даме» к печати, Блок колеблется, как расположить лирические произведения – по хронологии или по отделам. Тогда он остановился на последнем варианте, восходящем к тематическому принципу. В 1910 году Блок возвращается к себе прежнему. В блоковской записной книжке того времени читаем: «I том – строго хронологически (300 глав 1-й части трилогии)» [Блок 1965: 173]. Нетрудно увидеть, что это один из конспективных набросков будущего предисловия к «Собранию

стихотворений» 1911–1912 годов. Само по себе размещение стихов по хронологии – классический прием в издании поэтических сборников, который сложился в XIX веке. Конечно, русская литература знала и иное. Например, Б. В. Томашевский обратил внимание на то, что лицейские стихи Пушкин расположил в своем первом рукописном сборнике (тетради) по жанрам, то есть каждый раздел включал в себя лирические произведения одного жанра – оды, элегии, дружеские послания и т. д. [Томашевский 1956: 47–48]. Это соответствовало жанровому принципу, господствовавшему в то время. А в печатном собрании стихов (1826) другой принцип – хронологический, который и закрепился в русской литературе от Пушкина и Боратынского в основном, вплоть до эпохи русского символизма. Изменения видны, к примеру, у Д. С. Мережковского. Его первая книга «Стихотворения. 1883–1887» разбита на четыре раздела. Три из них без названия, пронумерованы римскими цифрами. И хотя внутри разделов есть тень хронологического принципа, он время от времени совершенно неожиданным образом и без определенной мотивации нарушается. Скорее всего это не волновало Мережковского. Не случайно в сохранившемся в архиве поэта первоначальном (еще неполном) списке текстов стихотворения «<...> расположены в произвольном порядке». И только позднее в другом списке – «<...> первая попытка расположить тексты в композиции будущей книги» [Кумпан 2000: 766]. Уже в «Символах» (1892) Мережковский не придерживается хронологии. В первом разделе без названия помещает четыре поэмы, которые по времени своего создания окольцованы: первая и четвертая датированы 1890 годом, вторая создана в 1890–1891 годах, а третья – 1891 году. Во втором же разделе своей книги (песни и легенды) хронология нарушается «географическим» принципом – раздел своего рода альбом путешественника: сгруппированы итальянские стихи, затем крымские (написанные ранее), но далее и этот принцип не соблюдается.

Не только с хронологическим, но и с таким, как у Мережковского, «случайным» отбором стихов для книги будет спорить Брюсов в своем предисловии к «Urbi et Orbi», которое оказало сильное воздействие на первое издание «Стихов о Прекрасной Даме». И тем любопытнее, казалось бы, возврат во втором издании «Стихов о Прекрасной Даме» к литературному «прошлому». Но на самом деле у Блока и не совсем традиционный хронологический подход – ведь весь стихотворный массив разбит на семь разделов, и не случайный, не бессистемный. Это отточенный и доведенный до гармонического совершенства лирический дневник,

отдаленно восходящий к основополагающему принципу поэзии Лермонтова, но в то же время имеющий в своей основе не столько факт датировки, сколько зарождение, течение и исход «сюжета», положенного в основу первой книги «романа в стихах». Такой подход отразил становление и эволюции главного героя этого романа – его можно назвать по традиции лирическим, но в первом томе «Собрания стихов» 1910–1911 годов он в большей степени автобиографичен, можно сказать, подчеркнуто автобиографичен, более чем это бывает с субъектом лирики вообще и у более позднего и раннего Блока-издателя своих стихов, в частности. Можно сказать, что несмотря на внешнее отсутствие во втором издании «Стихов о Прекрасной Даме» *темы*, тематической организации (как это было до и после), на уровне *темы внутренней* (своего рода «подводного течения»), сути художественного произведения эта тема есть – только она тоже скрытая. Эта тема связана с природой любого дневника, предназначенного, однако, для печати, ставшего фактом искусства, когда дневниковая форма – сознательный, почти стилизованный прием.

Невозможно сказать, что разделов в этом издании нет. Они дважды обозначены – и в тексте, и в оглавлении. Семь глав, соответствующие семи годам жизни Блока, отражают сакральный путь поэта, где цифра 7 не случайна. Поэт подчеркивал, что в его изданиях ничего случайного нет.

Судя по записной книжке («Ante Lucem»? [Блок 1965: 173]), поэт колеблется, включать ли в первый том ранние стихи 1898–1900 годов¹. Но он все же в соответствии с логикой завязки сюжета первого тома «романа в стихах» включает их. Оставит Блок, но в измененном виде и количестве раннюю лирику и в позднейших переизданиях.

Все это предопределило существенное отличие муссагетовского первого тома 1911 года от издания «Стихов о Прекрасной Даме» 1905 года – в композиции книги. Вместо трехчастной в первом издании, где каждая часть имела свое название², – семичастная. Готовя в 1904 году свою первую книгу, поэт так видел свой путь: «Неподвижность» – «Перекрестки» – «Ущерб». Так, в триаде, он видел эволюцию своего героя изнутри недавно происходивших событий. Через несколько лет Блоку открылась иная, более подробная и сложная картина собственной прошлой жизни. Невозможно однозначно ответить на вопрос: почему. Может быть, среди многих других причин и потому, что в 1909–1910 годы Блок вспоминает свою первую любовь – К. М. Садовскую.

В тридцать первой записной книжке ее упоминание, датированное сентябрем, предваряет набросок плана первого тома муссагетовского собрания.

Имя Садовской возникло не без связи с Л. Д. Менделеевой. Сначала в записи речь идет о любовном треугольнике Блок – Менделеева – Андрей Белый. Собственно, это конспект, черновик неосуществленного романа, где есть все, что полагается для прозаического произведения: система образов, сюжет, его завязка, развитие, кульминация, развязка и финал.

«Ужасно сложное – в его жену влюблен человек гораздо более значительный, чем он. Они ссорятся, потом мирятся. Любовь. Перипетии любви».

Затем идет, казалось бы, неожиданный скачок в развитии действия:

«Но есть одна задняя мысль: он, «защитивший» жену и сам называющий ее «первой любовью», *всегда* смутно знает, что она – не первая любовь. Какая же была первая?»

Так перекидывается мостик к Садовской и появляется драматургический план, даже с введением реплик безымянных персонажей:

Однажды случайно доносится отрывок разговора: «Вы слышали, умерла К. С.» Он не может спросить. Бросается за газетой. Подтверждается.

Ужасно смешной вихрастый господин путается все время около, осведомляясь от времени до времени: «А вы не импотент? А мне кажется, что вы импотент?»

– Тьфу ты, пропадай, пусть будет по-твоему, только отстань.

Однако кто же умер? Умерла старуха. Что же осталось?

Понемногу он погружается в синеву воспоминаний. По их нити он уходит в глубокую ночь, откуда возвращения нет [Блок 1965: 172–173].

Еще В. Н. Орлов увидел здесь отпечаток воспоминаний Блока о своей первой любви – К. М. Садовской и указал на аллюзии со стихотворным циклом «Через двенадцать лет», посвященным ей [Орлов 1965: 533]. Цикл был вчерне набросан в 1909 году в Бад-Наугейме и впоследствии вошел в канонический третий том. Но рождение этого цикла и события, связанные с ним, оказали определенное воздействие на формирование не только состава, но и всей композиционной структуры второго издания «Стихов о Прекрасной Даме».

Отсюда предположение: цитированная выше сентябрьская запись не только конспект нереализованного прозаического романа, но и конспект с обозначением основных вех первой части «романа в стихах». Более того: этот фрагмент из записной книжки в первую очередь и является изложением одного из важных (если не главных) семантических пластов нового издания «Стихов о Прекрасной Даме», который определил перестройку поэтики всей книги в целом. Причем не только на уровне введения стихов, связанных с Садовской (даже с посвящением «К. М. С.» – «Луна проснулась. Город шумный...», «Помнишь ли город тревожный...»), но и более существенном. (Они остаются и в каноническом томе.)

Прежде чем приступить к доказательству этой гипотезы, прочтем весьма знаменательную кон-

¹ Правда, фрагмент записи с вопросительным знаком «Ante Lucem»? прочитывается двояко: 1. Как сомнение в целесообразности раздела «Ante Lucem», который появится в муссагетовском издании 1916 г. 2. Как раздумья о необходимости в первом томе ранних стихов.

² Эта трехчастная композиция еще раз подтверждает внутреннюю органичность для Блока идеи троичности, впоследствии реализованной в лирической трилогии.

цовку блоковской записи:

«N В: тут же – жемчужные речи, бормочущие – они только усугубляют *путаницу* (курсив мой. – О. К.)» [Блок 1965: 173].

Что же это за путаница? Может показаться, что путаница в воспоминаниях о своей влюбленности в К. М. Садовскую и Л. Д. Менделееву. Но это не самое важное. Главное другое: в период, предшествовавший предложению «Мусагета» издать Собрание сочинений, Блок переосмысляет не только собственную реальную биографию, но и «биографию» своего поэтического «я», героя «романа в стихах», которого впоследствии назовут лирическим [Тынянов 1977: 118]. И наконец, Блок воссоздает истоки своего центрального образа – Прекрасной Дамы. В 1910 году в воспоминаниях Блока зазвучали приглушенные, сознательно забытые в 1904 году, когда готовилось первое издание «Стихов о Прекрасной Даме», мотивы, связанные с Садовской. Ведь именно она была одним из первых «прототипов» литературного образа – Прекрасной Дамы. Это (помимо других причин) и привело Блока к осознанию необходимости расширить круг стихов, включенных в первый том «романа в стихах».

«Всякий, кого коснется Любовь, становится поэтом», – такой эпиграф в переводе с греческого поместил Блок к «Отроческим стихам». Летом 1897 года Блок влюбляется в К. М. Садовскую: до этого лишь были «...первые определенные мечтания о любви...» [Блок 1962: 13]. Историю своего становления как поэта Блок отразил в дневниковой записи от 30 (17) августа 1918 г.: «С января (1898 года – О. К.) уже начались стихи в изрядном количестве. В них – К. М. Садовская, мечты о страстях, дружба с Кокой Гуном (уже остывавшая), легкая влюбленность в т-те Левицкую – и болезнь» [Блок 1962: 339].

Как мы видим из дневника, творческими импульсами для зарождения блоковского поэтического голоса были разнозаряженные житейские события. Это и юношеская дружба с Гуном (ему посвящено стихотворение 1898 года «Ты много жил, я больше пел...»¹), флирт с С. И. Левицкой, которая была тоже, как и Садовская, певицей, женой сослуживца отчима Блока по Гренадерскому полку (ей посвящено стихотворение 1898 года «Когда-нибудь, не скоро Вас я встречу...»). Но любовь к Садовской (получив в 1909 году ложное известие о ее смерти, Блок в цикле «Через двенадцать лет» посвященном ей, называет Садовскую «гением первой любви») стоит на первом месте.

Это, правда, не исключало «путаницы», о которой писал Блок в записной книжке № 31, и тогда. Среди десятка произведений, помеченных весной 1898 года, не предназначавшихся Блоком к печати и впервые опубликованных после смерти поэта («Неизданные стихотворения», 1926), из которых одно («Этюд») связано с Садовской, другое («Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...») – с Левицкой,

¹ С посвящением «Н. Гуно» оно войдет в канонический состав первого тома. В издание 1911 года не включено.

любопытно последнее:

Ты дышишь жизнью! О, как я к тебе влеком...
 Меня манит к тебе желанье сладострастья...
 Опомнись, милая, ужели не знаком
 Тебе холодный свет без ласки и участия?..

[Блок 1960, т. 1: 373]

К нему есть знаменательная блоковская помета: «Кому это? Не помню» [Блок 1960, т. 1: 648]. На этом примере можно убедиться в том, что установить один-единственный биографический импульс к творческим исканиям поэта невозможно.

И тем не менее одним из важнейших таких импульсов стала встреча Блока с Ксенией Садовской. М. А. Бекетова называла ее источником поэзии Блока.

Конечно, более мощным творческим импульсом для Блока стало знакомство летом 1898 года с Л. Д. Менделеевой. Именно с ней традиционно связано представление о прототипе знаменитой *Прекрасной Дамы*. Но впервые Блок «примерил» свой еще пунктиром обозначенный образ к Садовской.

В первом издании «Стихов о Прекрасной Даме» практически нет стихотворений, связанных с Садовской: в книгу включены стихотворения, начиная с 1901 года и в основном обращенные к Л. Д. Менделеевой. Совсем иная картина в первом томе «Собрания стихотворений» (1911–1912): там уже появляются стихи, связанные с Садовской. Более того: том открывался знаменитым блоковским «Пусть светит месяц, – ночь темна...», примыкающем по времени своего создания к эпохе Садовской. Более того, оно связано с ней. З. Г. Минц сопоставляла мотивы стихотворения «Пусть светит месяц, – ночь темна...» с апрельским письмом Блока 1898 года: «Зачем Ты пишешь мне про “яд”. Этот яд сладок, как наше счастье, а выпить сладкого яду, забыться хоть на миг стоит и жизни и всего на свете...» [Минц 1999: 418].

Авторская датировка в произведении, да еще с указанием топографии, не случайна, она семантически насыщена, даже с тайнописью: «Январь 1898. С.-Петербург» (ниже пойдет еще речь о роли дат под стихами в мусагетовском издании 1911–1912 годов). Напомним, что до знакомства с Менделеевой оставалось еще несколько месяцев. Как отмечается в комментарии к первому тому академического собрания сочинений Блока, Вл. Пяст в рецензии на первый том «Собрания стихотворений» 1911 года находил в стихотворении «Пусть светит месяц, – ночь темна...» «<...> потаенный смысл <...>» [Минц 1999: 418].

Не случайно Блок включает в первый том своей лирики и уже упомянутое стихотворение 1898 (14 декабря) «Луна проснулась. Город шумный...» с посвящением Садовской. Причем, в издании 1910 года помета «Декабрь 1898», а в каноническом воссоздается еще более точная хроника – «14 декабря 1898», что вычерчивает параллельное движение влюбленности в Менделееву и Садовскую, ту самую «путаницу», воссоздание которой стало с годами так важно для Блока в конструкции первого тома «романа в стихах».

По своему строю оно совпадает с цитирован-

ным выше фрагментом блоковской записи, датированной сентябрем: «Понемногу он погружается в синеву воспоминаний. По их нити он уходит в глубокую ночь, откуда возвращения нет» [Блок 1965: 173]. И в стихотворении, и в прозаическом инварианте «романа в стихах» общее – тема ночи, ночная семантика. Первая строка «Пусть светит месяц, – ночь темна...» с опорной фразой «ночь темна» повторяется в стихотворении дважды. В 1910 году Блок видел в использовании повторов для подчеркивания музыкального начала, ритма стиха (излюбленном приеме символистов, канонизированном Бальмонтом и Брюсовым) не только одну из примет своей ранней лирики (см. комментарий: [Минц 1999: 417]), но и проявление наивности, недостаток. «Повторения (первая и последняя строфы)», – отмечает он в наброске плана мусажетовского «Собрания стихотворений» сразу после других «грехов»: «Обилие “наивных” эпитетов» [Блок 1965: 174].

Тем не менее Блок включает «Пусть светит месяц, – ночь темна...» в первый том 1911 года и все последующие переиздания без изменений – настолько оно важно для него. Оно не только программное (впоследствии, начиная с 1916 года, окажется таким для цикла «Аnte Лусет») для раннего Блока, но и в контексте мусажетовского первого тома 1911 года играет особую роль, служит экспозицией ко всей книге. На это указывала З. Г. Минц: «Стихотворение является программным для всего цикла АL и содержит его основные мотивы: длящейся предрассветной ночи, отъединенности от людей, тайных страстей “души больной”, отрекающейся от счастья» [Минц 1999: 417].

Конечно, стихотворения «Пусть светит месяц, – ночь темна...» и «Луна проснулась. Город шумный...» имели еще и огромное художественное значение – как вехи в становлении Блока. Два этих произведения передают настроения эпохи. Когда поэт включает в переиздания своих книг ранние, не публиковавшиеся прежде стихи, он подчеркивает в своем прошлом, в своем становлении что-то важное, незамеченное современниками или сознательно скрытое от них. Но часто бывает и другое: подчеркивается творческая суть поэта, которая впоследствии в более зрелых произведениях обозначилась художественно совершеннее, полнее и зримо, но которая в стертом виде была и в ранних стихах.

Так, даже в первых строках лирического произведения, посвященного Садовской:

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит, – а мы одни... [Блок 1960, т. 1: 13]

обозначена тема города, столь важная впоследствии для Блока. Здесь, может быть, впервые у Блока изображается столкновение реалий «города шумного» и человека. А еще предвосхищение центральной для лирики оппозиции «здесь» / «там». Она хотя и общеромантическая, но с явными чертами будущего символистского мироощу-

щения. В этой оппозиции есть что-то и от «двоемирия» поэта. Выходит, что оно потенциально было заложено в самом Блоке, а не только результат влияния символизма. («Двоемирие» – определение З. Г. Минц.)

Важно стихотворение «Луна проснулась. Город шумный...» и в другом отношении: его концовка – узнаваемая (особенно с помощью блоковского примечания, которое появилось в мусажетовском издании 1911 – 1912 годов): цитата из стихотворения Я. П. Полонского «Прощай», ставшего популярным романсом. Впоследствии романсное начало займет большое место в лирике Блока. В этом скажется и некоторая роль Садовской, которая училась в Петербургской консерватории и пение которой нравилось Блоку. Другое блоковское стихотворение – «Ночь всё темней и благовонней...» с эпиграфом «Не называй ее небесной и у земли не отнимай...» из «Романса» (1834) Н. Ф. Павлова, тоже связано с Садовской.

С именем Садовской связан ряд других произведений не только 1897–1900, но и последующего времени – 1903, 1909–1910 годов. Реконструируя в дневниковой записи (август 1918 года) историю взаимоотношений с Л. Д. Менделеевой (главная цель этого отрывка), Блок не забывает о линии Садовской: иногда две эти линии прочерчены параллельно. В 1918 году, как и в 1910 году, воспоминания о прошлом совпадают с подготовкой нового (неосуществленного) издания «Стихов о Прекрасной Даме». З. Г. Минц приводила соответствующие фрагменты Блока из записной книжки, датированные августом (по старому стилю): «Весь день <...> мысли для 5-го издания <...> [Минц 1999: 405]. Но эти записи поразительно совпадают с другими – в дневнике Блока за август 1918 года.

В первый том «Собрания стихотворений» 1911 года Блок включает стихотворение с посвящением «К. М. С.». «Помнишь ли город тревожный...». Его он снабжает датой: «Август 1899». «Даты поставлены под стихами, особенно значительными» [Блок 1965: 174], – фиксировал Блок в 1910 году в связи с первым томом. Значит, этому стихотворению в воссоздании своего прошлого он придавал особое значение. И действительно, в нем доминирует, как и во многих стихах, связанных с Садовской, семантика эпитета *синий*. Он занимает центральное место во втором и последнем стихах. И хотя эпитет *синий* может показаться устойчивым, традиционным (он сопровождает слова «дымка», «город»), для Блока эта цветовая символика не случайна. Другое дело, что поверх адресата конкретного, земного стихотворение «Помнишь ли город тревожный...» имеет отношение и к только еще формирующемуся адресату обобщенному – небесному.

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Темной дорогою ложной,
Молча с тобою мы шли...
Шли мы, – луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась, –
Я не вернулся назад.

Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла, –
Только во мне шевельнулась
Синяя городга мгла... [Блок 1960, т. 1: 26]

Правда, стихотворение отразило и блоковское осознание «ложности дороги» (здесь *дорога* синоним *пути*), отразило и трещину в отношениях с Садовской. Вскоре, в конце 1899 года, происходит «последнее объяснение» с ней [Блок 1962: 342]. И тем не менее осенью 1900 года, почти через два года после знакомства с Менделеевой (стиль ее общения с Блоком – «суровость» [Там же: 341], как пишет поэт, «опять возвращается воспоминание о К. М. С.<адовской> при взгляде на ее аметист 1897 года») [Там же: 343]. Тогда же рождается стихотворение «Аметист»:

Порою в воздухе, согретом
Вспоминаньем и тобой,
Необычайно хладным светом
Горит прозрачный камень твой.
Гаси, крылатое мгновенье,
Холодный блеск его лучей,
Чтоб он воспринял отраженье
Ее ласкающих очей [Блок 1960, т. 1: 459].

В 1911 году Блок впервые публикует «Аметист» с посвящением «К. М. С.» в первом томе «Собрания стихотворений» (раздел «1900»). В том же разделе «1900» – лирическое произведение «Ты не обманешь, призрак бледный...» с посвящением «К. М. С.». В нем мотив, как полагал тогда Блока, окончательного прощания с Садовской:

Ты не обманешь. Призрак бледный,
Давно испытанных страстей,
Твой вид нестройный, образ бедный
Не поразит души моей... [Блок 1960, т. 1: 72]

Сразу после него поэт помещает стихотворение «ПРОЩАНИЕ¹ с 1900 годом»:

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь [Блок 1960, т. 1: 73].

Тень Садовской как неминуемый спутник прошлого, перенесения прежнего времени и пространства появится в стихотворении «Если только она подойдет...», написанном в июне 1903 года, когда Блок приехал в Бад-Наугейм во второй раз после семилетнего перерыва:

Если только она подойдет –
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосвод...
Голубая спокойная гладь.
Кто прикликал моих лебедей?
Кто над озером бродит, смеясь?
Неужели среди этих людей –
Незаметно Заря занялась?

Все равно – буду ждать, буду ждать...
Я один, я в толпе, я как все...
Окунусь в безмятежную гладь –
И всплыву в лебединой красе [Блок 1960, т. 1: 532].

Глухо отсылку к Садовской в связи с этим стихотворением сделала М. И. Дикман в комментарии к блоковскому письму от 31 марта 1900 г. [Блок 1963: 558], адресованному той же Садовской. В нем воссоздаются первая встреча с ней и реалии Бад-Наугейма: «<...> “тогда” было первое и последнее – настоящее молодое счастье; помните Вы парк, залитый лунным светом, темное озеро, в котором опрокинулись еле заметные для глаза отраженья островов. И плывут большие белые лебеди; а здесь на берегу Вы, Вы и Вы...» [Блок 1963: 558].

Конечно, совпадение в поэтическом тексте 1903 года и письме 1900 года мотивов «водной глади» / *озера, белых лебедей* связано с реалиями немецкого курорта. Но у Блока реальный мир всегда двоился, высвечивая ирреальное. Так, в цитированном письме Блок вдруг начинает сомневаться в достоверности описания Бад-Наугейма: «Может быть, лебеди не плавали ночью и острова не отражались в темном озере, но я все это представляю себе именно так, – и иначе мне не хочется» [Блок 1963: 558]. В этом блоковском «хочется» проявилась врожденная, еще до встречи с новым, «декадентским» искусством установка на поэтику интуиции, характерную для символизма в целом и Блока в частности: мир видится и изображается в свете названия знаменитой книги немецкого философа XIX века Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Другое дело, что и *озеро*, и *лебеди*, и *острова* были не только частью неомифологического сознания Блока, но и существовали в реальности.

Эти бад-наугеймские реалии всплыли в стихотворении «Если только она подойдет...» и как явление мира действительности и как образы мифологизированного прошлого, связанного с Садовской. По крайней мере, в стихотворении 1909 года «В темном парке над ольхой...» из цикла «Через двенадцать лет», посвященном именно ей, всплывают словно островки прошлого (но уже «как призрак, <...> как бред») и цитаты из стихов прежних лет «белый лебедь», «прудовый туман», куда уходит прошлое. И все же мы не можем с точностью установить, только ли с Садовской связана она, появляющаяся в стихотворении «Если только она подойдет...»: рядом блуждает облик Менделеевой. Именно в письме от 4 июня 1903 года к Л. Д. Менделеевой Блок посылает написанное днем ранее стихотворение «Если только она подойдет...». Есть только одна важная для Блока деталь. В письме Она из первой строки произведения с большой буквы, в издании 1911 года – с малой. Блок придавал этому исключительное значение. Знаменательна приписка к стихотворению в письме к Л. Д. Менделеевой: «Ненужные бездарные стихи». В этом же письме Блок посылает стихотворение «Еще старик». В 1906 году под названием «Поэт» Блок напечатает его в газете «Наша жизнь». Войдет оно в издание 1911 года и с обозначением «Bad Nauheim» в канонический вариант первого тома (цикл «Распутья»),

¹ Такое написание у Блока в первом томе 1911 года.

но уже без заголовка, с названием по первой строке: «Когда я стал дряхлеть и стыннуть...». В письме к Л. Д. Менделеевой к этому стихотворению приписка: «Довольно неожиданный вариант на прежнюю тему» [Александр Блок. Письма к жене 1978: 145]. Речь идет о стихотворении 1902 года «Старик» («Под старость лет, забыв святое...») из «Стихов о Прекрасной Даме» 1905 года. Но в тексте бад-наугеймского стихотворения есть строки «И я опять, больной и хилый, / Ищу счастливую звезду. / Какой-то образ, прежде милый (курсив мой. – О. К.), / Мне снится в старческом бреде», которые можно отнести не столько к Л. Д. Менделеевой, сколько к К. М. Садовской. В 1903 году именно она, а не Менделеева – «образ, прежде милый». Не случайно концовка письма сразу после стихотворений «Если только она подойдет...» и «Когда я стал дряхлеть и стыннуть...»: «Всего этого не надо, так уж посылаю». И далее: «Ты хотела. Твой шут, Твой Пьеро, Твое чувство, Твой дурак, уж Тебе не понравится, а уж я все-таки унижаюсь, не могу, уж так надо, такая уж черта. Прости за это все, Всепрощающая, Дивная, Ласковая, за Твои письма Твои ноги целую. Прости» [Там же 1978: 145]. О каком прощении просит Блок? В чем он чувствует свою вину? Может быть, и в том, что образ Садовской, «прежде милый», возвратился к нему в Бад-Наугейме? По крайней мере, можно увидеть переключку между «образом, прежде милым» из стихотворения «Когда я стал дряхлеть и стыннуть...» и «призраком бледным» из стихотворения 1900 года «Ты не обманешь, призрак бледный...», посвященного, как мы помним, Садовской.

С Л. Д. Менделеевой, безусловно, связано стихотворение «Очарованной вечер мой долог...», датированной 11 июня (по старому стилю) 1903 года и тоже написанное в Бад-Наугейме:

Очарованный вечер мой долог,
И внимаю журчанью струи,
Лег туманов белеющий полог
На зеленые нивы Твои.
Безотрадному сну я не верю,
Погрузив мое сердце в покой...
Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с Тобой...
Чьи-то очи недвижно и длинно
На меня сквозь деревья глядят.
Все, что в сердце, по-детски невинно
И не требует страстных наград.
Все, что в сердце, смежило ресницы,
Но, едва я слышу: «Лети», –
Полечу я с восторгами птицы,
Оставляющей перья в пути... [Блок 1960, т. 1: 532]

Этот поэтический текст переключается с блоковским письмом к Менделеевой, написанным тоже 11 (24 по старому стилю) июня 1903 г. в Бад-Наугейме: «...я представил себе, как Ты идешь со мной рядом...» [Блок 1963: 61].

Однако и в стихотворении «Если только она подойдет...», связанном с Садовской, и в стихотворении «Очарованный вечер мой долог...», связан-

ном с Менделеевой, сходная структура. В заключительных строфах обоих произведений возникает тема преображения – превращая в лебедя, восходящая к сказочным сюжетам. Но только здесь желанным видится превращение, так сказать, «наоборот»: из человека в лебедя («И всплыву в лебединой красе...», «Полечу я с восторгами птицы, / Оставляющей перья в пути...»).

Любопытны строфы из черновика, не вошедшие в окончательный текст. В них тема превращения в лебедя развивается в таком метафорическом ряду: «Бьется, бьется крыло голубое...», «Голубая Улыбка», которую поэт «ловит на лету». Однако в «Голубой Улыбке» заключена такая бездна смыслов, что Блок, зачеркнув (наряду с другими) строфу с ней, делает помету: «Так пишут, чорт знает к чему?» [Минц 1999: 683].

Эту автокритику можно понять по-разному: в том числе и как констатацию разомкнутости реальной жизни и их воплощения в слове.

Что дает нам сопоставление «мерцающих» прототипов Прекрасной Дамы – Садовской и Менделеевой?

Как представляется, оно позволяет разобраться с сущностью блоковского творчества и со своеобразием структуры его образов, в данном случае одного из важнейших у поэта – Прекрасной Дамы.

Но самым неожиданным в сюжете «Блок – Садовская» – включение в финал первого тома «Неоконченной поэмы» с подзаголовком «Bad Nauheim. 1897–1903» (третья от конца по оглавлению), которой не было в первом издании «Стихов о Прекрасной Даме» и которая не вошла в последующие издания. «Неоконченную поэму» В. Н. Орлов поместил в собрании сочинений 1960 года во второй том. Этим он подчеркивал, что она относится к Блоку второго этапа, уже после «Стихов о Прекрасной Даме» (впервые опубликована в 1906 году в альманахе «Хризопрас»).

В. Н. Орлов указал на связь «Неоконченной поэмы» с «Тремя свиданиями» Вл. Соловьева. В рукописи она была озаглавлена «Первая часть из поэмы “Три свидания”», снабжена эпиграфом из Соловьева: «Подруга вечная, Тебя не назову я ...» [Блок 1960, т. 2: 440]. Комментатор отмечал, что «дата в подзаголовке («Bad Nauheim. 1897–1903») означает не время написания поэмы, а годы, в которые Блок посетил Бад-Наугейм. Сделано это в подражание Вл. Соловьеву, чья поэма «Три свидания», в которой повествуется о мистических встречах с «Подругой вечной – Мировой Душой», снабжена аналогичными подзаголовком: «Москва – Лондон – Египет, 1862 – 75 – 76» [Там же: 441].

Любопытно замечание В. Н. Орлова о помете Блока в черновике поэмы: «Врем^е-енное» и про-стр^а-анственное» обобщ^е-ение» первого свидания» [Блок 1960, т. 2: 441]. Но мы знаем, что в мистическом для Блока 1897 году, который вынесен в подзаголовок поэмы, *первое свидание* было с К. М. Садовской. И как мы уже убедились по другим стихам 1903 года с тоже не случайной топонимической пометой «Bad Nauheim», в поисках Прекрасной Дамы совмещаются реальные образы Садовской и

Менделеевой. Так, почти в финале заново переосмысленной книги «Стихи о Прекрасной Даме» соединились два сюжета, в целом составляющие один – о мистических исканиях лирического героя.

Так, на протяжении всего первого мусажетовского тома 1911 года была прочерчена в целом ряде произведений тема Садовской: «Луна проснулась. Город шумный...», «Помнишь ли город тревожный...», «Аметист», «Если только она подойдет...», «Очарованный вечер мой долог...», «Неоконченная поэма»; сюда можно добавить многое, что с помечтой «Bad Nauheim».

Впоследствии Блок стихотворения «Луна проснулась. Город шумный...», «Помнишь ли город тревожный...» и «Ты не обманешь, призрак бледный...» оставит в каноническом первом томе. «Аметист», «Если только она подойдет...», «Очарованный вечер мой долог...», «Неоконченную поэму» исключит. Оставит включенными в первый том 1911 года (помимо названного «Когда я стал дряхлеть и стынуть...») еще два бад-наугеймских текста – «Скрипка стонет под горой...», «Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...». В них отблеск только Л. Д. Менделеевой. Но в 1910 году, когда Блок готовил второе издание «Стихов о Прекрасной Даме», после того как многое изменилось в некогда столь возвышенных отношениях между ним и Менделеевой, после записи о жене от 18 февраля 1910 года, ему, как можно предположить, было важно обозначить инвариантность происхождения образа Прекрасной Дамы.

Обратимся к этой записи, сделанной 18 февраля 1910 года: «Люба испортила мне столько лет жизни, измучила меня и довела до того, что я теперь Люба, как только она коснется жизни, становится сейчас же таким дурным человеком, как ее отец, мать и братья. Хуже, чем дурным человеком, – страшным, мрачным, низким, устраивающим каверзы существом...».

Наконец, еще одна ступень, казалось бы, последняя, низведения с неземного пьедестала Л. Д. Менделеевой:

«Люба на земле – страшное, посланное для того, чтобы мучить и уничтожить ценности земли».

Здесь, однако, Блок вспоминает пору своей первой влюбленности в Л. Д. Менделееву и переживает свое низведение:

«Но – 1898 – 1902 <годы> сделали то, что я не могу с ней расстаться и люблю ее» [Блок 1965: 166].

Литература

- Александр Блок. Письма к жене. Т. 89. – М. : Наука, 1978. – 414 с.
- Блок, А. Записные книжки. 1901–1920 / А. Блок. – М. : Художественная литература, 1965. – 663 с.
- Блок, А. Собрание сочинений : в 8-ми томах. Т. 1: Стихотворения. 1897–1904 / А. Блок. – М. ; Л. : Художественная литература, 1960. – 693 с.
- Блок, А. Собрание сочинений : в 8-ми томах. Т. 2: Стихотворения и поэмы. 1904–1908 / А. Блок. – М. ; Л. : Художественная литература, 1960. – 466 с.
- Блок, А. Собрание сочинений : в 8-ми томах. Т. 3: Стихотворения и поэмы. 1907–1921 / А. Блок. – М. ; Л. : Художественная литература, 1960. – 651 с.
- Блок, А. Собрание сочинений : в 8-ми томах. Т. 7: Автобиография. 1915. Дневники. 1901–1921 / А. Блок. – М. ; Л. : Художественная литература, 1962. – 544 с.
- Блок, А. Собрание сочинений : в 8-ми томах. Т. 8: Письма. 1898–1921 / А. Блок. – М. ; Л. : Художественная литература, 1963. – 771 с.

На строй второго издания «Стихов о Прекрасной Даме» повлияли не только воспоминания, но и переживания 1909–1910 годов. У Блока происходит своего рода повторная «кристаллизация чувств» (Стендаль) к Садовской, особенно после известия (как отмечалось выше, ложного) о ее смерти. В цикле «Через двенадцать лет» (первые пять стихотворений созданы в 1909 году) не случайно ощутимы мотивы из воспоминаний о прошлом, реалии («озерная гладь», «белый лебедь», др.) немецкого курорта Бад-Наугейм, известные нам по блоковским письмам к Садовской. Последние три стихотворения цикла «Через двенадцать лет» помечены мартом 1910 года, то есть созданы они после цитированной выше записи от февраля того же года. Вероятно, в силу этой причины в одном из них Блок зарождение своей Музы связывает (как мы понимаем, утрированно) исключительно с обликом Садовской:

Эта юность, эта нежность –
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала? [Блок 1960, т. 3: 183]

Стихи эти Блок включил в канонический третий том. Но их семантический ореол сказался и в первом томе 1911 года. В третью книгу Блок включит и стихотворение «Синеокая, Бог тебя создал такой...», в котором он и называет Садовскую «Гением первой любви»: Эпитет «синий» (устойчивый, как было уже отмечено, в произведениях Блока в связи с Садовской) сказался, однако, и в блоковской записи от сентября 1910 года («синева воспоминаний»), которую можно назвать своего рода прологом к новому изданию «Стихов о Прекрасной Даме».

Почему мы так подробно остановились на тени Садовской? Потому что она оказала влияние на изменение структуры второго издания книги. И это лишь один случай. Другие не позволяют разобрать объем данной статьи.

История с Садовской позволяет лучше понять сущность блоковского творчества, своеобразие структуры его символов, в данном случае одного из важнейших у поэта – Прекрасной Дамы, трансформация которого сказалась в переработке первого тома «Собрания стихов» 1911–1912 годов, а также в последующих изданиях.

- Быстров, В. Н. Александр Блок. Стихотворения. Книга первая (1898–1904) / В. Н. Быстров // А. Блок. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 1. – М. : Литера, 1997. – С. 436–523.
- Кузнецова, О. А. «Стихи о Прекрасной Даме» в составе трилогии (1911–1912) (к истории издания) / О. А. Кузнецова // Блок А. А. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 3. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904). – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – С. 249–263.
- Кузнецова, О. А. История формирования лирической трилогии Блока / О. А. Кузнецова // А. А. Блок. Полное собрание сочинений и писем : в 20-ти томах. Т. 1. – М. : Наука, 1977. – С. 385–393.
- Кузнецова, О. А. О книге А. Блока «Земля в снегу» / О. А. Кузнецова // Александр Блок. Собрание сочинений : в 12-ти томах. Т. 2. – М. : Прогресс-Плеяда, 1997. – С. 272–285.
- Кумпан, К. А. Примечания / К. А. Кумпан // Д. С. Мережковский. Стихотворения и поэмы. Новая библиотека поэта. – СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. – С. 755–902.
- Лавров, А. В. Этюды о Блоке / А. В. Лавров. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2000. – 319 с.
- Магомедова, Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока / Д. М. Магомедова. – М. : ИЧП «Мартин», 1997. – 221 с.
- Максимов, Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Е. Максимов. – Л. : Советский писатель, 1981. – 552 с.
- Минц, З. Г. Поэтика Александра Блока / З. Г. Минц. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 727 с.
- Минц, З. Г. Александр Блок и русские писатели / З. Г. Минц. – СПб. : Искусство-СПБ, 1999. – 784 с.
- Минц, З. Г. О первом томе лирики Блока / З. Г. Минц // А. А. Блок. Полное собрание сочинений и писем : в 20-ти томах. Т. 1: Стихотворения. Книга первая. (1898–1904). – М. : Наука, 1977. – С. 394–629.
- Орлов, В. Н. Примечания / В. Н. Орлов // Александр Блок. Записные книжки. 1901–1920. – М. : Художественная литература, 1965. – С. 515–602.
- Сапогов, В. А. Первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (1904) / А. В. Сапогов // А. Блок. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 1. – М. : Литера, 1995. – С. 420–435.
- Томашевский, Б. В. Пушкин. Книга первая (1813–1924) / Б. В. Томашевский. – М. ; Л. : Издательство Академии наук, 1956. – 745 с.
- Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 575 с.

References

- Aleksandr Blok. Pis'ma k zhene* [A. Blok. Letters to His Wife]. Vol. 85. (1978). Moscow, Nauka. 414 p.
- Blok, A. (1960). *Sobranie sochinenii: v 8-mi tomakh*. [Collected Works, in 8 vols.]. Vol. 1: Stikhotvoreniya. 1897–1904. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 693 p.
- Blok, A. (1960). *Sobranie sochinenii: v 8-mi tomakh*. [Collected Works, in 8 vols.]. Vol. 2: Stikhotvoreniya i poemy. 1904–1908. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 466 p.
- Blok, A. (1960). *Sobranie sochinenii: v 8-mi tomakh*. [Collected Works, in 8 vols.]. Vol. 3: Stikhotvoreniya i poemy. 1907–1921. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 651 p.
- Blok, A. (1960). *Sobranie sochinenii: v 8-mi tomakh*. [Collected Works, in 8 vols.]. Vol. 7: Avtobiografiya. 1915. Dnevnik. 1901–1921. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 544 p.
- Blok, A. (1963). *Sobranie sochinenii: v 8-mi tomakh*. [Collected Works, in 8 vols.]. Vol. 8: Pis'ma. 1898–1921. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 771 p.
- Blok, A. (1965). *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 663 p.
- Bystrov, V. N. (1997). Aleksandr Blok. Stikhotvoreniya. Kniga pervaya (1898–1904) [Alexander Blok. Poems. Book One (1898–1904)]. In A. Blok. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* Vol. 1. Moscow, Litera, pp. 436–523.
- Kumpan, K. A. (2000). Primechaniya [Notes]. In D. S. Merezhkovskii. *Stikhotvoreniya i poemy. Novaya biblio-teka poeta*. Saint Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii projekt», pp. 755–902.
- Kuznetsova, O. A. (1977). Istoriya formirovaniya liricheskoi trilogii Bloka [The History of the Formation of the Lyrical Trilogy of Blok]. In A. A. Blok. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20-ti tomakh*. Vol. 1. Moscow, Nauka, pp. 385–393.
- Kuznetsova, O. A. (1997). O knige A. Bloka «Zemlya v snegu» [About A. Blok's Book "The Earth in the Snow"]. In *Aleksandr Blok. Sobranie sochinenii: v 12-ti tomakh*. Vol. 2. Moscow, Progress-Pleyada, pp. 272–285.
- Kuznetsova, O. A. (2005). «Stikhi o Prekrasnoi Dame» v sostave trilogii (1911–1912) (k istorii izdaniya) [Poems about a "Beautiful Lady" as Part of a Trilogy (1911–1912) (to the History of the Publication)]. In Blok, A. A. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* Vol. 3. Book 1. Stikhi o Prekrasnoi Dame (1898–1904). Moscow, Progress-Pleyada, pp. 249–263.
- Lavrov, A. V. (2000). *Etyudy o Bloke* [Studies on Blok]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 319 p.
- Magomedova, D. M. (1997). *Avtobiograficheskii mif v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical Myth in the Works of A. Blok]. Moscow, IChP «Martin». 221 p.
- Maksimov, D. E. (1981). *Poeziya i proza Al. Bloka* [Poetry and Prose Al. Blok]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 552 p.
- Mintz, Z. G. (1977). O pervom tome liriki Bloka [On the First Volume of Blok's Lyrics]. In A. A. Blok. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20-ti tomakh*. Vol. 1: Stikhotvoreniya. Kniga pervaya. (1898–1904). Moscow, Nauka, pp. 394–629.
- Mintz, Z. G. (1999). *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian Writers]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. 784 p.
- Mintz, Z. G. (2000). *Poetika Aleksandra Bloka* [Poetics of Alexander Blok]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. 727 p.
- Orlov, V. N. (1965). Primechaniya [Notes]. In *Aleksandr Blok. Zapisnye knizhki. 1901–1920*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 515–602.

Sapogov, V. A. (1995). *Pervaya kniga A. Bloka «Stikhi o Prekrasnoi Dame» (1904)* [A. Blok's First Book "Poems about a Beautiful Lady"]. In *A. Blok. Sobranie sochinenii: v 12 t. Vol. 1*. Moscow, Litera, pp. 420–435.

Tomashhevsky, B. V. (1956). *Pushkin. Kniga pervaya (1813–1924)* [Pushkin. Book One (1813–1924)]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. 745 p.

Туньянов, Ю. Н. (1977). *Poetika. Istorija literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka. 575 p.

Данные об авторе

Клинг Олег Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й гуманитарный корпус, каб. 932.

E-mail: okling@yandex.ru.

Author's information

Kling Oleg Alekseevich – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory of Literature Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Дата поступления: 20.12.2024; дата публикации: 30.06.2025

Date of receipt: 20.12.2024; date of publication: 30.06.2025